

0541

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Люси Монро

НЕ ОБЯЗАН ЖЕНИТЬСЯ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Люси Монро

Не обязан жениться

«Центрполиграф»

2013

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Монро Л.

Не обязан жениться / Л. Монро — «Центрполиграф»,
2013 — (Любовный роман – Harlequin)

Любовь никогда не была смыслом жизни для принца Максима. Королевской семье нужен наследник, и, когда возлюбленная Максима Джиллиан сообщает, что не может иметь детей, он решает прекратить с ней отношения. Чем обернется для Максима последняя ночь с Джиллиан?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Монро Л., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Люси Монро
Не обязан жениться
Роман

Lucy Monroe

One Night Heir

One Night Heir © 2013 by Lucy Monroe

«Не обязан жениться» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

Глава 1

Наследник престола, принц Воларуса Максим, был в ярости. С наслаждением давая ей выход, он с ловкостью опытного кикбоксера провел связку ударов в корпус. Демьян, его кузен и спарринг-партнер, блокировал атаку. Удары пришлись в защитную экипировку. В восклицании Демьяна явственно слышалось удивление.

– Вы чем-то недовольны, ваше высочество?

Макс терпеть не мог, когда кузен, четырьмя годами старше его, выросший в королевском дворце на правах его брата, обращался к нему, используя титул.

Демьян прекрасно знал об этом, но любил позлить двоюродного братца, особенно во время тренировок. Он не раз говорил, что так бой у них идет энергичнее.

Но сегодня он задал кузену жару и без дополнительного поддразнивания. И Демьян этого вполне заслужил.

– Твою самодовольную улыбочку все равно ничем не сотрешь!

Отступив на секунду, Макс вновь ринулся в атаку и провел следующую молниеносную серию ударов.

Они были отличными спарринг-партнерами: оба ростом под два метра, отлично сложенные и с идеально тренированными мускулами.

– Насколько я понимаю, вчера ты отлично провел ночь с Джиллиан? – спросил Демьян. На сегодняшней тренировке он вел себя необычно. – Только не говори, что она собирается тебя бросить!

– Если бы я собирался сделать ей предложение, она бы, разумеется, его приняла. – Действительно, вчерашняя ночь с Джиллиан была для Макса истинным наслаждением. Теперь же эти воспоминания дразнили его недоступностью того, чего – вернее, кого – он так жаждал. Джиллиан.

– Так в чем проблема? – С этими словами Демьян пошел в атаку, заставив Макса защищаться от града ударов.

– Я получил ее медицинские документы.

– Надеюсь, с ней все в порядке? – В голосе Демьяна слышалось искреннее беспокойство. Кузен Макса пользовался репутацией человека холодного и безжалостного, и подобное проявление заботы из его уст поразило бы кого угодно – но не Макса. Принц знал, как близко к сердцу Демьян принимает дела семьи. А нежная красавица Джиллиан в течение последних восьми месяцев постепенно обретала все больше шансов породниться с династией.

– С ней все в порядке. – Да, если, конечно, не считать серьезных проблем с яичниками. – В данный момент.

– То есть?

– В шестнадцать лет ей удалили аппендикс.

– Это было десять лет назад. Как это связано с ее теперешним здоровьем?

– Проблемы с фаллопиевыми трубами.

– Что?

Мгновенно забыв про бой, Демьян непонимающе смотрел на Макса. Но принц не собирался давать тому передышку и тут же воспользовался невнимательностью спарринг-партнера и точно нацеленным ударом сбил Демьяна с ног. Макс ждал, что тот вновь ринется в бой, но Демьян, встав на ноги, не проявлял желания продолжать спарринг.

– Подожди! Объясни мне, как чертов аппендицит в подростковом возрасте может повлиять на фаллопиевы трубы взрослой женщины?

Демьян был отнюдь не глуп. Он понимал, что вопрос о том, сможет ли Джиллиан рожать, имеет огромное значение для дома Юрковичей, королевской семьи Воларуса.

– У нее проблемы с репродуктивной системой. – Марк поправил перчатки для спарринга. – Шансы на то, что она сможет забеременеть, немногим меньше, чем один к трем.

По одним оценкам – гораздо меньше, по другим – чуть больше. Специалисты, с которыми консультировался Макс, говорили разное.

Демьян отбросил со лба волосы – такие же темные, как у Макса.

– А если она будет лечиться? Есть современные методы оплодотворения? – поинтересовался он.

– Я не хочу стать отцом шестерни, – ответил Макс.

– Не будь идиотом.

– Я не идиот. Ты прекрасно знаешь, что я не могу жениться на женщине, не способной произвести на свет наследника плюс еще одного – про запас.

Демьян помолчал. Они оба слишком хорошо знали, сколь высока может быть цена подобных проблем.

– Ты – не твой отец, – проговорил наконец Демьян. – Ты не обязан жениться на той, которую не любишь, лишь ради рождения наследника.

– Я и не собираюсь, – откликнулся Макс. – Впрочем, как и на женщине, которая мне нравится, но которая сможет родить его только с помощью медицинских процедур – кстати, весьма неприятных и не всегда успешных.

– Вы можете усыновить ребенка.

– Как мои родители усыновили тебя?

– Официально они меня не усыновили. Я так и остался Зарецким. Твой отец с самого начала не планировал оставлять мне в наследство трон.

– Он считал тебя запасным, – со злостью пробормотал Макс.

– Что ж, долг есть долг, – пожал плечами Демьян.

– И мой долг не позволяет мне сделать предложение Джиллиан Харрис.

Да. А его честь требовала порвать с ней как можно скорее.

– Ты не любишь ее? – без особого любопытства спросил Демьян.

– Тебе лучше знать.

– От любви не бывает ничего, кроме страданий, – откликнулся Демьян. Это было одно из любимых изречений матери Макса.

– И компромиссов с долгом, – закончил цитату принц.

Они оба верили в истинность этих слов. На то у каждого из них были свои причины.

– Что же ты собираешься делать? – поинтересовался Демьян, вновь принимая боевую стойку.

– А ты как думаешь? – Макс провел резкий удар слева.

– Я буду по ней скучать.

Что ж, в этом Макс не сомневался. Одной из причин, по которой он уже почти собрался сделать Джиллиан предложение, было то, что, несмотря на самое простое воспитание и детство, проведенное в заштатном городишке, она удивительно быстро нашла общий язык с его родными. Джиллиан умела ловко обходить острые углы, на которые другая непременно наткнулась бы.

Впрочем, будучи дочерью известного журналиста, она с юных лет бывала на мероприятиях с участием влиятельнейших и богатейших людей планеты.

Блокировав удар Макса, Демьян перешел в атаку.

– Ты скажешь ей сегодня вечером?

– Может, это и не понадобится, – ответил Макс.

Наверное, голубоглазая красавица блондинка уже получила результаты своего последнего обследования. Теперь Джиллиан и сама знает, почему ее месячные проходят так нерегулярно. Понимает она и обязанности, связанные с его положением. Наверняка она поймет, что

их отношениям пришел конец. Зная ее редкое здравомыслие, он надеялся, что все пройдет без душераздирающих сцен.

– Да, ба, думаю, сегодня вечером это произойдет, – проговорила Джиллиан в телефонную трубку, прижимая ее к уху плечом и прыгая на одной ноге, пытаясь натянуть туфлю.

– Он говорил, что любит тебя? – требовательно спросила Эвелин Харрис, ее бабушка, растившая внучку с самого детства.

– Нет.

– Твой дедушка говорит мне, что любит меня, каждый вечер, перед тем как лечь спать. Вот уже сорок восемь лет.

– Я знаю, ба, – откликнулась Джиллиан.

Что ж, Макс был совершенно другим человеком. Он привык скрывать чувства. Он считал это требованием, обязательным для любого члена королевской семьи, и подчинялся ему, как полагается принцу, чтущему свой долг. Только когда они занимались любовью, он позволял себе дать волю эмоциям. И то лишь до некоторой степени.

Макс занимался сексом с сосредоточенной энергией мужчины, думающего лишь о том, как доставить удовольствие партнерше. Он полностью растворялся в женщине, с которой делил постель.

В течение последних семи месяцев этой женщиной была Джиллиан.

Они целый месяц встречались перед тем, как он все-таки затащил ее в постель. Столь долгий срок удивил ее, особенно учитывая его репутацию. Лишь позднее она поняла то, что казалось почти невероятным: ему было нужно нечто большее, чем очередная партнерша.

Это шокировало, волновало, но, пожалуй, больше всего – поражало.

Она не была женщиной его круга. Она не принадлежала к числу людей богатых, знаменитых и влиятельных. Разве что отец, бывая в городе, с удовольствием встречался с ней. В таких случаях ей приходилось составлять ему компанию на разнообразных официальных мероприятиях. Он не мог позволить себе тратить время лишь для того, чтобы навестить дочь, так что он просто включал их встречи в свой напряженный график. Так что, как дочь известного журналиста, Джиллиан куда чаще посещала светские и дипломатические рауты, чем позволяло ей ее собственное скромное положение в обществе.

Сама она поразила сильнее, чем кто бы то ни было, когда выяснилось, что именно ее, ничем не примечательную девушку, удостоил своим вниманием наследный принц Воларуса Максим Юркович. Его знаки внимания и несколько реплик, брошенных при встрече его матерью-королевой, ясно дали ей понять: присматривая невесту для принца, королевская семья не обращает внимания на известность претендентки. Честно говоря, Джиллиан всегда считала, что Макс выберет девушку более знатного происхождения. Но представления династии Юрковичей о будущей принцессе явно отличались от тех, которыми обычно руководствуются королевские семьи. Трудно было найти более скромную кандидатку на титул, нежели девушка из заштатного городка на Аляске, зарабатывающая на жизнь «фотографированием шоколадок», как пренебрежительно выражался ее отец.

В прошлом Джиллиан не было ни загадок, ни темных пятен. Ее родители никогда не жили вместе и не занимались ее воспитанием. Накануне ее рождения они заключили брак, больше напоминавший сделку, и уже через год развелись.

– Если я повешу трубку, ты даже не заметишь. Ты опять витаешь где-то в облаках, – раздался в трубке голос бабушки.

Джиллиан, отбросив с лица пряди светлых волос, поудобнее перехватила телефон:

– Прости, ба, я не хотела...

– Конечно, не хотела. Когда ты думаешь о Максе, все остальное тут же перестает для тебя существовать. А слух вообще отключается.

– Вообще-то это не так плохо, – отозвалась Джиллиан.

Бабушка возмущенно фыркнула, ясно давая понять, что она так не считает:

– Этот мальчишка должен сказать, что любит тебя, – только после этого соглашайся стать его женой.

– Вряд ли его можно назвать мальчишкой, ба. – Джиллиан говорила об этом уже не в первый раз – впрочем, без особого эффекта.

– Джиллиан, мне семьдесят пять, так что для меня он – мальчишка.

– Некоторые люди вообще не способны произнести такие слова. – Джиллиан ловко перевела тему на то, что, она знала, было для бабушки самым важным.

– Значит, у некоторых людей меньше разума, чем у комара.

– Рич никогда этого не говорит, но он любит меня. – Не успев произнести эту фразу, Джиллиан поняла, что сама не уверена в ее искренности.

Ее отец не отличался нежностью и не любил бурных проявлений чувств. Рич Харрис не особенно старался участвовать в ее жизни, но все же именно он дал ей тех, кто всю жизнь любил ее и заботился о ней. Двоих людей, которые вырастили его самого.

– Твой отец просто дурак, что бы там ни говорили эти люди, вручившие ему Пулитцеровскую премию.

Джиллиан рассмеялась. Она знала, что на самом деле бабушка вовсе так не считает. Она страшно гордилась своим знаменитым сыном и до сих пор не теряла надежду, что однажды он станет для Джиллиан настоящим отцом.

Увы, для этого было уже поздно. Поезд ушел много лет назад. Но Джиллиан, конечно, не собиралась говорить об этом бабушке. Та слишком много для нее сделала, чтобы она могла позволить себе причинить ей боль.

– Только не говори ему этого. А то он заберет у меня фургон для кемпинга.

– Пусть попробует! Я еще могу держать в руках деревянную ложку. И с удовольствием пушу ее в ход!

Джиллиан вновь расхохоталась. Пока она росла, бабушка то и дело грозила ей знаменитой деревянной ложкой, но ни разу не пустила ее в ход.

– Клянусь, не имею понятия, в кого этот мальчишка стал таким вертопрахом! – продолжала кипятиться бабушка.

– С ним все в порядке, ба. Просто никогда не хотел иметь семью. Это не делает его плохим человеком.

– Но у него есть дочь, хочет он того или нет.

– Я в курсе.

С детства Джиллиан помнила, что, хотя ее родители и не мечтали о ее появлении на свет, они все-таки согласились подарить ей жизнь. Правда, на этом они сочли свою миссию законченной.

– Мне не нравится твой настрой, – произнесла бабушка. Этот ее тон Джиллиан ненавидела. Он означал, что бабушка готова, бросив деда в Лас-Вегасе, куда они отправились поразвлечься, немедленно лететь в Сиэтл, чтобы заняться делами внучки.

– У меня все хорошо, ба. Просто отлично. – Еще бы! Она ведь вот-вот будет помолвлена с мужчиной, которого любит всей душой! – Мне не нужны никакие слова.

Ее действительно не интересовали слова. Она предпочитала действия. Она хотела, чтобы Макс думал о ней в первую очередь, относился к ней с уважением. Именно так он и вел себя. Несмотря на всеобщее внимание к его персоне и плотный рабочий график, он никогда не отменял свиданий, не опаздывал и с уважением относился к ее интересам, как и к ее работе студийного фотографа.

– Гм.

В одном этом звуке отразилось столько же скепсиса, сколько в предыдущих словах. Похоже, бабушка собиралась поговорить с Максом всерьез.

Джиллиан вздохнула. Ему понадобится немало сил и выдержки, чтобы пережить беседу с бабулей. А если они действительно решат пожениться – то в десять раз больше.

– Как вам с дедом Вегас? Хорошо проводите время? – поспешно спросила Джиллиан, надеясь сменить тему.

– Дед просадил кучу денег в блек-джек, зато я немало выиграла у «одноруких бандитов». – Неприкрытая радость, сквозившая в бабушкиных словах, заставила Джиллиан улыбнуться.

– Рич по-прежнему планирует приехать к вам на ужин на той неделе?

– По крайней мере, он не отказывался. Не прислал эсэмэс. – По тону, которым было сказано последнее слово, было ясно, что текстовые сообщения она не одобряет.

– Ну хорошо.

– Надеюсь, мы сможем сообщить ему радостную новость?

– Я тоже надеюсь. – Джиллиан услышала трель дверного звонка. – Это он! Мне пора.

– Позвони нам завтра, слышишь?

– Да, ба! Все расскажу!

Все еще улыбаясь, Джиллиан бросилась к двери. По дороге ее взгляд упал на бежевый конверт с результатами недавнего медицинского обследования. Она еще не успела просмотреть их, не думая, что там найдется нечто неожиданное.

Джиллиан показывалась врачам каждый год. На этом настоял ее отец – после того, как в шестнадцать лет она едва не умерла от аппендицита. Она считала это проявлением искренней отцовской любви, которую он не умел выразить иначе.

Джиллиан распахнула дверь. На пороге стоял Макс – серьезный и неотразимо привлекательный в черном костюме от Армани. Почти два метра его мускулистого тела излучали уверенность.

– Ты рано. – Джиллиан улыбнулась ему.

– И все равно ты уже готова. Ты необыкновенная женщина, Джиллиан Харрис. – Он не улыбнулся в ответ. Его темно-карие глаза жадно и внимательно оглядывали ее.

Он всегда так смотрел на нее – и тогда она верила, что ни одна супермодель в мире не сможет отвлечь его от ее самых обыкновенных светлых волос, голубых глаз, среднего роста и вполне стандартной фигуры.

– Бабушка всегда не могла терпеть, когда опаздывают. – Джиллиан посторонилась, давая Максиму пройти.

– А еще ты, наверное, не могла меня дождаться. И поэтому торопилась одеться, – с дразнящей усмешкой сказал он.

– И это тоже. – Она улыбнулась в ответ.

Наклонившись, он запечатлел на ее губах поцелуй – мимолетный, будто вежливое приветствие. Она откликнулась, слегка приоткрыв рот навстречу его губам – ей нравилось смешивать свое дыхание с его.

Невнятно простираясь, он стал целовать ее настойчивее, прижав к себе и вместе с ней протиснувшись от дверей внутрь дома. И как это часто случалось во время их поцелуев, мир перестал для нее существовать. Единственное, что она осознавала, – его губы, касающиеся ее рта, его сильное тело, прижимающееся к ней.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали.

Его глаза остановились на плотном конверте с результатами обследования. Джиллиан едва успела открыть его – звонок от бабушки помешал ей просмотреть содержимое. Впрочем, она не считала это важным. В конце концов, ей всего двадцать шесть, она молода, ведет здоровый образ жизни, и здоровье ее еще ни разу не подводило.

Бабушка непременно попеняла бы ей за такую беспечность. Хорошо, что она в Лас-Вегасе.

– Ты получила результаты обследования? – спросил Макс с подчеркнутым безразличием. Кивнув, Джиллиан прошла в гостиную.

– Выпьешь чего-нибудь?

– Глоток «Олд Палтни», если он у тебя есть.

– Ты же знаешь, что есть. – Она держала у себя неприменную бутылку этого односолодового виски двадцатидесятилетней выдержки с тех пор, как однажды Макс признался, что предпочитает его любым другим напиткам.

Она налила янтарную жидкость в стакан и, не добавляя льда, подала Макс.

– Спасибо.

Он сделал необычно большой глоток. Ее умилило это проявление нерешительности: ведь обычно он был так самоуверен!

– Ты не говорила мне, что в шестнадцать лет у тебя был аппендицит.

– Ты не спрашивал. – В конце концов, тонкий бледный шрам на ее теле все еще был хорошо заметен.

Она удивилась, что этот факт оказался в результатах обследования. Похоже, врач, к которому направил ее Макс, изучил ее куда тщательнее, чем ее собственный семейный доктор. Впрочем, ее не удивило то, с каким вниманием, оказывается, Макс изучал ее медицинские бумаги.

Это было в его духе.

Нахмурившись, Макс сделал еще один глоток.

Джиллиан не понимала, почему его так волновал аппендицит, перенесенный ею десять лет назад. Насыпав в стакан льда, она залила его минеральной водой и добавила ломтик лайма. Это был ее любимый напиток. Может, Макса, как когда-то ее отца, шокировало известие о том, что она чуть было не умерла? Когда в тот день Рич приехал к ней в госпиталь, она в первый и единственный раз увидела на его красивом, как у кинозвезды, лице искреннее беспокойство за нее. Впрочем, он не любил вспоминать о том, что позволил себе слабость переживать из-за нее. Решив, что в этом Макс, скорее всего, похож на ее отца, Джиллиан решила не поддерживать тему, спросив вместо этого:

– Ну что, где будем ужинать?

Он обещал устроить ей особенный вечер. А тут еще его настойчивый интерес к результатам ее ежегодного обследования, которое к тому же проводил его личный врач... Словом, Джиллиан была уверена, что сегодня наконец-то он предложит ей стать его женой.

Разумеется, она ему не откажет.

Она любила Макса до самозабвения. Правда, до сих пор ни разу не сказала ему об этом. Она не признавалась в этом бабушке, но ей самой произнести слова любви было чудовищно трудно.

– «У Рене».

Это был первый ресторан, в который ее он пригласил. Нет, пусть он и не признается ей в любви, но все равно он весьма романтичен.

– Отлично. Очень люблю кухню Рене.

Помимо прочего, владелец, исполнявший также и обязанности шеф-повара, всегда с нежностью относится к ним. Так что ужинать у Рене было истинным удовольствием. Что ж, Макс действительно постарался сделать этот вечер особенным.

– Я знаю. – Он вновь посмотрел на нее с неожиданной серьезностью.

И тут она до конца осознала, что происходит. Да, сегодня особый вечер. И закончится он словами, которые, она уверена, Макс намеревается произнести лишь раз в жизни.

До этого она была совершенно спокойна. Но теперь ее вдруг охватила внутренняя дрожь, которую она никак не могла унять.

Она станет невестой принца. Впервые она по-настоящему задумалась о том, каково это – быть принцессой.

Честно говоря, эта перспектива ее испугала.

Бабушка не уставала критиковать манеру Джиллиан отмахиваться от сложных и неприятных вопросов. Это ее свойство в полной мере проявилось и в отношениях с Максом. Но сейчас, видя его таким сосредоточенным и даже мрачным, она впервые задумалась, как его предложение изменит их жизнь.

Хотя... это неважно.

С ним она готова уехать хоть в Антарктиду, без сожаления отказавшись от удобств цивилизации. Так что если ей придется стать принцессой и проводить как минимум шесть месяцев в году на Воларусе, острове-государстве где-то в Балтийском море, это ее тем более не испугает.

Она любит его. Макс – ее мужчина.

Она сможет жить с Максимом из королевского дома Юрковичей, наследным принцем Воларуса. И будет жить с ним.

Глава 2

Ужин прошел великолепно. И хотя Макс, казалось, так и не смог отбросить мрачные мысли, он развлекал Джиллиан с обычной своей учтивостью.

Несколько раз ей казалось, что он вот-вот заговорит о самом главном, – но каждый раз он умолкал.

Это новое свидетельство волнения, которое, как она полагала, было ему вовсе не свойственно, Джиллиан толковала по-своему. Ей казалось, что с каждой минутой она влюбляется в него все больше и больше.

После ужина Макс повел ее слушать джаз. Джиллиан обожала эту музыку. Оркестр был прекрасен: музыканты, казалось, не просто исполняли музыку, а жили ею.

Искренне наслаждаясь концертом, она даже радовалась, что музыка мешает их разговору. Нервозность, не оставлявшая Макса весь вечер, казалось, отступила.

После концерта она пригласила его к себе. Как она и думала, он согласился.

Зайдя к ней, он сбросил пальто на спинку стула и остался стоять, будто не зная, что делать дальше. Это было так не похоже на него, что Джиллиан из жалости предложила ему еще виски.

– Нет, лучше не надо.

– Но тебе не обязательно садиться за руль. Если хочешь, оставайся. – Она всегда предлагала ему разделить с ней постель в подобных уклончивых выражениях. Он, как правило, не отказывался – если только из-за утренних встреч или поездок ему предстояло вставать на рассвете: в таких случаях он не хотел ее будить.

Однако сегодня он колебался:

– Думаешь, стоит?

Неужели он полагает, что в преддверии свадьбы она захочет реже видеться с ним? Когда об их отношениях узнают, она не будет изображать перед репортерами желтых газет святую невинность. Она, конечно, признательна, что до сих пор их связь не стала достоянием публики, однако это, так или иначе, произойдет в самом ближайшем будущем.

Она не возражает. И не собирается притворяться.

– Да, думаю, – твердо ответила она.

– Нам надо поговорить.

– Потом. – Неожиданно Джиллиан поняла, что хочет сказать ему слова любви хотя бы сегодня.

Она скажет ему, когда они будут заниматься любовью. Его предложение подождет.

* * *

Его взгляд еще больше потемнел.

– Ты уверена, что хочешь этого?

– Да. – Почему-то теперь Джиллиан казалась невыносимой сама мысль о том, чтобы согласиться стать его женой, не успев поведать ему о своей любви. Она должна сказать о ней – хотя бы своим телом, а если сможет, то и словами.

Подумать только, три коротких слова – но как же трудно им сорваться с ее губ! Заставить себя произнести их было, казалось, труднее, чем станцевать обнаженной на столике «У Рене».

Может, дед и правда каждый вечер признавался бабушке в любви, но внучке они напоминали о том, что любят ее, отнюдь не каждый день. Сама же Джиллиан говорила эти слова лишь собственным родителям, да и то в далеком детстве.

Впрочем, ни мама, ни папа ни разу не сказали ей ответных слов любви. И сегодня она сама уже не помнила, когда в последний раз осмеливалась выразить свою любовь к самым главным в ее жизни людям, давно и навсегда оставившим ее. И уж тем более она не признавалась в любви мужчинам – ведь она еще ни разу не была влюблена. Завоевать ее сердце было не так-то просто.

Что ж, по крайней мере, Максу она могла сказать о своем чувстве языком тела. На исходе этой ночи он будет знать, что она любит его, – так или иначе.

Он покачал головой:

– Ты необычная женщина.

Она так не думала, но ему нравилось, что он считает ее особенной. Так что спорить она не стала. В конце концов, он ведь должен считать ее исключительной? Если бы он полагал, что она ничем не отличается от других женщин вокруг, будущее было бы лишком мрачным.

По крайней мере, для нее Макс был не сравним с другими мужчинами.

Макс потянул Джиллиан в коридор, ведущий к спальне:

– Пойдем. Я хочу заняться любовью со всеми удобствами.

Они много раз занимались сексом прямо в гостиной, но она не возражала, чтобы эта ночь стала особенной. Возможно, ему тоже трудно произнести заветные слова, и он, как и она, хочет телом выразить свои чувства.

Когда он привел ее в темную спальню, ее сердце гулко колотилось. Отпустив ее руку, Макс, перегнувшись через журнальный столик, включил лампу. Изящный бронзовый светильник, увенчанный тремя стеклянными белыми лилиями, в каждой из которых сияла лампочка, залил комнату теплым золотистым светом.

Над светильником висела картина, изображавшая светловолосую женщину, стоявшую наклонив голову, среди целого поля лилий. Картину когда-то подарил Макс. По его словам, женщина напомнила ему Джиллиан.

Самой Джиллиан изображение казалось слишком размытым, чтобы говорить о портретном сходстве. Но картина ей нравилась.

Макс повернулся к ней, его чеканные черты были затуманены грустью.

– Сегодня ты сделала мне прекрасный подарок. – Он вздохнул, словно на душе у него лежало тяжелое бремя. – Я этого хотел.

Она засмеялась. Чувства бурлили в ней – но она все еще не могла облечь их в слова.

Казалось, он чувствовал то же самое. Наклонившись, он страстно поцеловал ее, и они оба словно растворились в этом поцелуе. Когда их губы наконец разомкнулись, Макс крепко прижимал ее к себе. Оба они тяжело дышали.

– Макс, ты прекрасно целуешься.

– Ты тоже. – Он улыбнулся, став наконец похожим на себя.

– Тебе лучше знать.

Она не была девственницей, когда встретила с ним, но ее сексуальный опыт был весьма невелик. В университете у нее была пара романов, но в обоих случаях секс оставил у нее ощущение трагической ошибки. Она и близко не представляла, что он может доставлять то невероятное удовольствие, которое она испытывала в объятиях Макса. До их встречи она понятия не имела о том, как доставить удовольствие партнеру.

Макса, впрочем, это не смущало. Он с терпением и искренней радостью учил ее получать удовольствие от встречи двух тел, которых сексуальная химия притягивает друг к другу.

– Скажем так: вместе у нас неплохо получается. – Казалось, в его голосе звучит искренняя грусть.

Что такое? Ему, похоже, не о чем переживать? Наверное, она неправильно поняла его чувства. Может, он из числа мужчин, полагающих, что после свадьбы секс уходит на второй план?

Что ж, если и так, она сможет его разубедить.

Она – женщина XXI века. А значит, она не только верит, что женщина должна получать удовольствие от секса, но и считает секс неперменной и постоянной частью супружества.

Впрочем, Джиллиан не стала говорить об этом. Вместо этого она предпочла помочь ему избавиться от костюма. Он тем временем снял ботинки и носки, а когда она расслабила узел галстука и расстегнула несколько пуговиц на его белой рубашке, он, не дожидаясь продолжения, рывком стянул рубашку через голову.

– Не терпится? – игриво улыбнулась она.

– Не то слово. – Он снял с нее платье, чуть не разорвав его. Затем так же быстро и бесцеремонно стянул с нее бюстгальтер и трусики, вопреки обыкновению, и не подумав полюбоваться, как отлично смотрятся на ней эти кружевные вещицы.

Через несколько мгновений оба были раздеты. Макс жадно пожирал глазами тело Джиллиан.

Она чувствовала, как тело откликается на его призывный взгляд: соски затвердели сильнее обыкновенного, влагилице охватила волна спазмов, – она не могла дожидаться, когда он, по обыкновению, жестко и резко войдет в нее. Тело ее залило жаркой волной дрожи, всепоглощающее желание раздурманило щеки.

Они еще почти не касались друг друга, а Джиллиан уже хотела его сильнее, чем когда бы то ни было. Никогда в жизни она не испытывала столь упоительного желания. Она знала, что сегодняшний секс станет прелюдией к совместной жизни, – и это распалило ее сильнее, чем она могла себе представить.

По его глазам она видела, что он столь же страстно стремится слиться с ней воедино.

Не задумываясь, она бросилась в его объятия. Макс поднял ее на руки и понес к кровати, словно невесту к брачному ложу. Это казалось таким естественным! Он сдернул покрывало, умудрившись не уронить ее. Чтобы ему было легче, она изо всех сил обняла его за шею.

Джиллиан покрывала легкими нежными поцелуями его подбородок и шею. Дойдя до плеча, она остановилась. Тонкий запах одеколона «Армани» в сочетании с его собственным мужским запахом породили в ней новую волну возбуждения, которой она не могла и не хотела сопротивляться. Ей нравилось ощущать, как ее тело готовится слиться с ним воедино, она наслаждалась собственной реакцией на самые простые и естественные вещи – его запах или прикосновение его ладони к бедру, когда Макс осторожно укладывал ее на кровать.

– Ты – мой единственный, – прошептала Джиллиан ему на ухо. – Если только...

Она и сама не знала, о каком «если» говорила. Она вообще ни о чем не думала. Его руки требовательно ощупывали ее тело, и она с головой тонула в наслаждении от каждого касания.

Она чувствовала, что этой ночью их связало нечто глубокое и настоящее. Неужели их брачная ночь может оказаться еще лучше?

Она гладила его внимательно, словно изучая. Ей нравилось поглаживать его мускулы, чувствовать, как волоски на его груди щекожут пальцы.

Этот мужчина, настоящий принц и олигарх, принадлежал ей, только ей! В это почти невозможно поверить – но доказательство было здесь. Она лежала обнаженная с ним в постели и наслаждалась возможностью без конца дарить ему ласку.

– Вы с Демьяном поддерживаете отличную форму, – промолвила она.

Услышав имя двоюродного брата, Макс скривился. В другое время Джиллиан спросила бы его, что произошло, но не сейчас. Слишком важной была эта ночь. Она должна была изменить их жизни – особенно если она все-таки сумеет произнести три заветных слова.

– Мы сегодня тренировались... Жесткий был бой, – проговорил Макс, словно почувствовав ее любопытство.

Она погладила синяк, который заметила лишь сейчас:

– Вижу.

– Пустяк, – отозвался Макс с обычной своей гордой самоуверенностью, которая никогда не позволила бы ему признать, что Демьян может взять над ним верх на ринге.

Его кузен с трудом подпускал к себе посторонних, но Джиллиан знала, что они с Максом весьма близки. Ей было приятно, что у Макса есть друг, которому тот может доверять. В мире, где жил Макс, доверие и надежность были в отчаянном дефиците. Джиллиан знала, о чем говорила: как дочь своего отца, она была в этом мире частой гостьей.

Наклонившись к нему, она поцеловала кровоподтек, затем покрыла поцелуями кожу вокруг него.

– Хорошо! – простонал Макс.

Она и не сомневалась. Ему нравилось, когда его баловали и нежили, даже в постели. Впрочем, и сам он был щедр на ласку и нежность, поэтому Джиллиан не возражала.

Он уложил ее на спину и навалился на нее сверху, накрыв ее тело своим – будто лаская и защищая одновременно. Затем посмотрел ей прямо в глаза:

– Ты безумно хороша. Слишком хороша для меня.

Джиллиан покачала головой. Как он не понимает, что для них нет ничего, что было бы слишком?

Он запечатал ей рот поцелуем, словно желая прекратить разговор. Словно не мог больше ждать ни секунды. Словно Джиллиан целиком и полностью принадлежала ему.

Она ответила ему с жаром, словно отдавая в поцелуе всю себя. Впрочем, так оно и было.

Он придавил ее к матрацу, не отрываясь от ее губ, продолжая целовать, целовать без конца, пока жар, разгоравшийся между их телами, не сделался совсем невыносимым.

Они уже не чувствовали ничего, кроме невероятного блаженства, которое их тела дарили друг другу.

Джиллиан больше не могла ждать. Она призывно раскинула ноги, приглашая его войти в нее сейчас, сию секунду.

Но Макс, оторвавшись от ее губ, шепнул:

– Не сейчас.

– Сейчас, – потребовала она.

Но он покачал головой. В его глазах плескалась дикая страсть. Он вновь начал ласкать ее тело, стремясь заставить ее окончательно потерять голову от наслаждения.

Он не забыл о точке на ее стопе, прикасаясь к которой он вызывал в ее теле судороги страсти. Затем нежно погладил внутреннюю поверхность бедра, отчего ее желание наконец ощутить его в себе достигло почти болезненной силы. Бережно проведя пальцами по талии, он медленно поднялся выше, сосредоточившись на ее груди. Он сосал и облизывал ее соски, играл с ними пальцами до тех пор, пока они не заныли от желания. И наконец, он легонько прикусил один из них.

Джиллиан вскрикнула в судороге оргазма.

Макс, зарывав, продолжал ласкать губами ее сосок. Джиллиан дрожала и извивалась под ним. Зажав между пальцами второй сосок, он нежно поглаживал его кончиком большого пальца. Он ласкал ее, не останавливаясь, не обращая внимания на ее стоны, которыми она истово призывала его двигаться дальше. «Пожалуйста, пожалуйста!» – неразборчиво шептала она, ее тело билось, по-своему адресуя ему все ту же просьбу. И наконец, резко раздвинув ей бедра, он стремительно вошел в нее. Впервые он не стал использовать презерватив. Мысль о том, что в этот раз она может забеременеть, нахлынула на нее, мгновенно скрутив тело волной мощного оргазма.

Он двигался, не сбавляя темпа, резко пронзая ее вновь и вновь, – пока она не кончила опять, забившись в столь сильных конвульсиях, что чуть было не сбросила его с себя.

Впрочем, ему хватило сил удержаться, – и вскоре он тоже вскрикнул в судороге оргазма.

Потом, наклонившись над ней, он смотрел на нее столь пристально, что по ее телу побежали мурашки.

– Спасибо.

Она покачала головой. Слова не шли с языка. В том числе те три самых главных... А может, в них уже не было необходимости? Джиллиан казалось, что он понял, что она чувствует к нему. Не мог не понять. Не может мужчина так страстно заниматься с женщиной любовью и при этом не ощутить, что творится в ее душе.

– Прости, что не спросил. Насчет презерватива.

– Ничего, все в порядке.

Между ними не должно быть преград.

Он мрачно кивнул, ложась рядом с ней.

– Можно я останусь до утра?

– Конечно.

Она не понимала, почему он спрашивает об этом. Может, он что-то почувствовал?

В любом случае она еще подумает об этом.

Джиллиан проснулась в объятиях Макса. По его дыханию она догадалась, что он не спит.

И вдруг она поняла, что слова, которые она так долго не могла произнести, вот-вот готовы сорваться с губ. Сев, она взглянула на него, освещенного тусклым светом, пробивавшимся из-за занавесок:

– Я люблю тебя, Макс.

Все оказалось очень просто. Слова будто сами слетели с языка. Вот только почему-то она не могла смотреть Максу в глаза – ведь в его взгляде читалось нескрываемое изумление.

Как он мог не знать? Как это могло удивить его – после всего, что было? Может, она неправильно выбрала момент?

Она никогда не признавалась в любви мужчине и не знала: быть может, в мире, где жил Макс, считалось приличным произнести подобные слова лишь после традиционных пожеланий доброго утра?

Это звучало глупо – но, в конце концов, ей казались странными многие особенности жизни королевской семьи. Хорошо, что она любит его, иначе и не подумала бы о том, чтобы провести жизнь среди всех этих безумных ритуалов, под внимательными взглядами всего света.

Вновь откинувшись на постель, она нежно прильнула к нему:

– Кажется, я начинаю к этому привыкать.

– Боюсь, нам не стоит этого делать.

Услышав его слова, она не поняла их смысла, так что просто пропустила мимо ушей. Она все еще упивалась воспоминаниями о прошедшей ночи и чувством необыкновенного облегчения, охватившего ее после того, как она произнесла три заветных слова. Даже если признание прозвучало неловко.

По крайней мере, он над ней не смеялся.

Одно из прекрасных качеств Макса: он никогда не насмехался над чужой неловкостью, хотя сам отличался необыкновенным изяществом во всех своих поступках.

– Это была волшебная ночь, – несмело вымолвила она.

– Да. – Он говорил необыкновенно серьезно и почему-то грустно.

Она не понимала, в чем дело. Может, он устал? Ночью он потратил кучу сил. Сказать по правде, она и сама сомневалась, что, если все их ночи будут похожи на эту, сколь бы чудесной она ни была, у нее останутся силы на что бы то ни было еще.

Не ограничившись первым подходом, они трижды занимались любовью. Макс еще никогда не был столь ненасытен, а она еще ни разу не отдавалась ему столь свободно. Он не знал усталости в ласках и брал ее вновь и вновь, жадно и неумолимо. Она наслаждалась каждой секундой. Даже сейчас, вспоминая эту ночь, она вздрагивала от сладостной боли.

– Прости меня. – Голос Макса звучал еще более мрачно.

Она предпочла бы сделать вид, что не знает, откуда в нем эта горечь. Но не могла.

Впрочем, она могла сказать ему, что это неважно. Что он не обязан признаваться ей в любви – пока она нужна ему. Ведь он недвусмысленно дал ей это понять сегодня ночью.

– Ничего страшного, – проговорила она с притворной живостью, старательно скрывая свое разочарование. Наконец она смогла посмотреть ему прямо в глаза.

Чувствовалось, что он сдерживается изо всех сил, делая вид, что все в порядке, в то время как что-то грызет его изнутри.

– Ты не поняла. Думаю, эта ночь была ошибкой. – Он ошарашенно покачал головой, будто жалея о вырвавшихся словах.

Еще бы он не жалел, идиот! Она не требовала от него слов любви – но она не собиралась терпеть столь презрительного отношения к их прошедшей ночи.

Вдруг ей показалось, что она поняла его озабоченность.

– Ты хочешь делать вид, что мы не занимаемся сексом?

Неужели его это действительно так заботит? Она была потрясена.

– Нам так хорошо вместе, что притворяться не имело бы смысла. Это было бы нечестно по отношению к тебе. И ко мне.

Джиллиан нахмурилась:

– Я не понимаю. Ты хочешь отказаться от секса?

Неужели до свадьбы? Свадебная церемония в королевских семьях готовится как минимум год, а то и два. Что ж, тогда неудивительно, что этой ночью он был так ненасытен.

А почему он тогда отказался от презерватива? Может, надеялся, что она забеременеет, чтобы ускорить свадьбу?

Но это было не похоже на Макса. Он не умел идти к цели исподволь, предпочитая двигаться к ней напрямик.

– Если мы по-прежнему будем заниматься сексом, потом нам будет еще тяжелее расстаться. Не говоря уже о том, что про наши отношения может прознать пресса. Нам и так повезло, что до сих пор репортеры ничего не пронюхали.

Джиллиан всегда подозревала, что молчание прессы было связано не только с их осмотрительностью, но и с тем влиянием, которым пользовался ее отец. Но сейчас это ее мало волновало.

– Расстаться? – переспросила она в растерянности. – Зачем нам расставаться?

Они же собираются пожениться. Или нет? Ее сердце сжал холодный страх.

Неужели нет?

Но в его лице не было и проблеска надежды. Как и в его словах:

– Нам все равно придется расстаться. Думаю, ты сама отлично это понимаешь.

Глава 3

– Не понимаю. Представь, что я глупая, объясни мне на чистоту, – с трудом проговорила Джиллиан.

– Я не могу жениться на женщине, которая не сможет родить наследника трона. Это жестоко, я понимаю, но такова жизнь.

– Я не могу родить наследника? – все еще недоумевая, переспросила она. Тем не менее она, кажется, начинала понемногу прозревать. Внезапно ей стало ужасно неловко лежать вот так – обнаженной, в одной постели с ним.

Нахмурившись, он сел на кровати. Казалось, он не испытывает неловкости от собственной наготы – по крайней мере, он даже не подумал прикрыться.

– Ты, кажется, сказала, что читала результаты своего обследования?

– Я сказала, что получила их.

– Я видел открытый конверт.

– Бабушка позвонила. Я не успела проглядеть бумаги.

– Такие важные вещи недостаточно просто проглядеть. – Так сурово он говорил лишь в крайнем раздражении.

Отчего же он злится?

– После того как в шестнадцать лет мне удалили аппендикс, я не жаловалась на здоровье.

– Операция, которая вытащила тебя с того света, негативно повлияла на фаллопиевы трубы, – произнес он с явным неудовольствием человека, которого вынудили к объяснениям.

Негативно повлияла на фаллопиевы трубы? Черт возьми, что это значит?

Джиллиан была не в силах еще хоть секунду выносить эту притворную близость. Она выскочила из постели, схватила платье и натянула его на себя так резко, что чуть не оторвала рукав. Затем она отошла от кровати, стремясь отодвинуться от него как можно дальше.

– О чем ты говоришь?

Макс скривился, словно от боли:

– Шансы на то, что ты забеременеешь, очень малы.

– Но есть ведь способы лечения, медицинские средства... – Неужели он даже не подумал об этом?

Она неполноценна. И поэтому недостойна стать его невестой. О господи! Ее молчаливый призыв к небесам был полон страдания. Но Бог молчал.

Значит, прошлая ночь была не выражением его страсти и сексуальной тяги к ней. Это была ночь прощания. Все знаки, говорившие ей о том, что они вечно будут вместе, на самом деле означали строго противоположное.

– Ты можешь пройти курс лечения, когда встретишь кого-то другого, – произнес он, будто пытаясь утешить ее доброй вестью.

– Но не с тобой.

– Жениться на тебе, зная, что нам придется прибегнуть к помощи врачей, чтобы родить наследника, было бы неправильно и неразумно по отношению к королевскому дому.

– Но я не собиралась замуж за твой королевский дом! – Голос Джиллиан сорвался на крик.

Впрочем, какое замужество? Его не будет. От этой мысли колени у нее подогнулись, она едва удержалась на ногах.

Все эти слова значили лишь одно: она потеряет Макса.

– Ты не права. Я принц, и однажды я стану королем. На мне с рождения лежит бремя долга, всю тяжесть которого отчасти могут понять лишь выборные государственные служащие.

Но они несут подобное бремя лишь временно. Мне же в один прекрасный день придется думать в первую очередь о нашей маленькой стране.

Она знала это. Представитель одной из немногих абсолютных монархий, сохранившихся в мире, Макс был наследным принцем Воларуса. А значит, его жизнь ему не принадлежала. И все-таки он имел право выбора.

– Ты меня не любишь. – Лишь это было по-настоящему важно для Джиллиан. Осознав это, она ясно поняла, почему он даже не думал обратиться за помощью к врачам.

Она ему нравится, он хочет ее, быть может, он действительно огорчен их предстоящим расставанием. Но он ее не любит.

– Любовь – не то чувство, которому я волен подчиняться. Да и сам я не хочу этого.

– Любовь либо есть, либо ее нет. Если ее нет, нечему подчиняться.

Джиллиан знала это с детских лет. Сколько бы ты ни пытался, ты не сможешь заставить человека полюбить тебя.

Любовь нельзя получить силой, как и отказаться от нее по собственной воле. Джиллиан готова была отказаться от встречи с бабушкой и дедом, никогда не увидеть своих родителей – если бы за это ей была дарована сила покончить с волной страдания, которое, казалось, поглотит ее без остатка.

– Ты сказала, что любишь меня. Мне очень жаль. – В темно-карих глазах Макса, кажется, действительно теплилась жалость. Это ударило ее сильнее, чем его слова: ее искренность словно подтверждала правдивость сказанного.

Боль сжимала тисками ее сердце, терзала все тело – физические мучения были столь же тяжелы, как душевная боль. Джиллиан едва могла дышать, она с трудом держалась на ногах.

Ему очень жаль.

Ей хотелось плакать, кричать, но она усилием воли сдержала слезы, не дав своей боли выплеснуться наружу.

– Убирайся. – Это слово она произнесла очень тихо, но знала, что он ее услышал.

– Ты действуешь нерационально.

– С первого нашего свидания ты очень старался скрывать наши отношения от прессы.

– Да.

Джиллиан не стала спрашивать почему. Его объяснения ее больше не интересовали.

Ей хотелось только, чтобы он ушел. Тогда она сможет выплеснуть свою боль. Он не должен этого видеть.

– Ты не думаешь, что, если я сейчас позвоню охране и попрошу выкинуть тебя из квартиры, вся твоя конспирация пойдет прахом?

Услышав эту угрозу, Макс изумленно посмотрел на нее:

– Ты не вызовешь охрану.

Похоже, он заблуждался, считая, что хорошо ее знает.

Джиллиан с силой вдавила кнопку тревоги, скрытую за неприметной дверцей:

– У тебя есть минута, может – две. Потом здесь будет охрана. Если хочешь встретиться с ними – оставайся.

Произнося эти слова, Джиллиан не повернулась к Максиму лицом и не повысила голос. Она понимала, что иначе не выдержит и разрыдается. Раньше Джиллиан никогда не плакала. И сейчас не время начинать.

Только не в его присутствии.

Не тогда, когда страдание, кажется, вот-вот разорвет ей сердце.

Макс лихорадочно натягивал одежду, неразборчиво бормоча какие-то украинские ругательства.

В дверях он помедлил. Джиллиан почувствовала это, не оборачиваясь.

– Мне очень жаль, – произнес он.

Он ушел. Джиллиан осталась одна. Под грузом обрушившегося на нее несчастья ноги у нее подкосились, и она без сил упала на пол.

В одно мгновение рухнули все мечты, которые она лелеяла последние несколько месяцев. Все надежды на блестящее будущее, которым она предавалась, забывая о скромном прошлом и настоящем, были с кровью вырваны из ее растерзанного сердца.

Девять недель спустя Джиллиан, потрясенная, ошеломленная, сидела на скамейке около кабинета своего врача.

Не веря только что услышанному, она могла лишь молча, не мигая, смотреть на высотные башни, окружавшие маленький островок зелени.

– Вы беременны, – заявила ей врач.

Это было невероятно, немыслимо. И все же это было правдой.

Она была беременна. Срок – девять недель.

Одна ночь с мужчиной, решившим вычеркнуть ее из своей жизни. Единственная ночь, когда она позволила себе секс без защиты.

И вот – ребенок.

Чувства, которые она пыталась задушить в себе все эти девять недель, рвались наружу. Впервые в жизни она не могла равнодушно отвернуться от того, о чем не желала думать.

Ну, разве что на минуту.

Страдания от разрыва с Максом полностью поглотили ее. Она не могла не думать об этом. Каждый новый день становился очередным напоминанием о том, как она любила, сколько она потеряла и как тосковала по этому негодяю.

И все-таки она научилась сохранять хотя бы внешнюю безмятежность. Она уже могла иногда спокойно проспать целую ночь и не метаться между ночными кошмарами и реальным ужасом своей потери.

Боль от расставания с Максом выросла в нее настолько прочно и глубоко, что она ее уже почти не замечала.

По крайней мере, так она говорила себе.

И теперь тяжелее всего для нее была надежда. Ей мучительно хотелось вновь испытать хоть какое-то чувство, особенно – любовь к другому человеческому существу, пусть совсем еще крошечному.

В отличие от своих родителей, Джиллиан не задумывалась о том, как получилась эта беременность, планировала она ее или нет, есть с ней рядом спутник жизни или ей предстоит остаться одной. Все это не имело никакого значения.

Она будет любить своего ребенка. Она уже любит его – с того момента, как доктор произнесла слова, в которые она не сразу поверила.

Она настояла на повторном тесте. Сестра взяла у нее новую порцию крови, и, пока они ждали результатов экспресс-анализа, проводившегося здесь же, в лаборатории, принесла маленький прибор – доплеровский датчик, мини-ультразвук, позволявший слышать сердцебиение еще не рожденного ребенка.

Когда в маленьком аппарате раздалось быстрое, глухое «тук-тук-тук», Джиллиан чуть не потеряла сознание. Она плакала. Теперь было ясно, что в ее матке растет крошечное существо. Ее ребенок.

Ребенок Макса.

Как раз в этот момент принесли результаты второго теста. Он был положительным, как и первый.

Беременность развивалась правильно, хотя доктор была недовольна ее впалыми щеками и потерей веса. Впрочем, как уверяла врач, это было в порядке вещей. Многие женщины худеют

в первом триместре беременности. Тем не менее риск не выносить малыша для Джиллиан был довольно высок. Как ей объяснили, одна из пяти беременностей заканчивается выкидышем.

Как много! И это в стране с прекрасной медициной!

Летнее солнце палило нещадно, но руки Джиллиан были ледяными и мокрыми от пота.

Беременна. Она беременна.

В уголке сознания вяло барахталась мысль: она в шоке. Наверное, ей стоило остаться в кабинете врача. Но ей было просто необходимо выйти на свежий воздух.

Так что она сказала врачу, что с ней все в порядке. Доктор была очень занята, так что позволила ей уйти без дальнейших расспросов.

Джиллиан потрясла головой. Прошедший час казался наваждением.

Она пошла к врачу по настоянию бабушки. Сама Джиллиан не беспокоилась о здоровье. С тех пор как девять недель назад она выгнала Макса из своего дома, она была занята лишь борьбой с депрессией.

Она любила его. То, что она призналась ему в своих чувствах, делало ситуацию еще невыносимее: ведь она понимала, что он не способен ответить на ее любовь.

В последние несколько недель, как ей казалось, к ее страданиям добавилась привязчивая простуда. Впрочем, это ее мало волновало. Если бы бабушка и дедушка не заехали к ней гости, Джиллиан, быть может, не догадывалась бы о своей беременности до самых родов.

Но бабушка, узнав, что уже не первую неделю Джиллиан постоянно тошнит и клонит в сон, страшно обеспокоилась. Хотя вообще-то ее за все это время вырвало лишь пару раз. Как сказала врач, с этим ей повезло. Она очень удивилась, узнав, что Джиллиан даже не думала о том, что причиной ее недомогания может быть беременность. Ведь у нее уже три месяца не было менструации! Но цикл у Джиллиан всегда был нерегулярным, и месяц задержки она не считала чем-то из ряда вон выходящим.

Оказывается, давняя операция не так уж негативно повлияла на ее фаллопиевы трубы. Она не просто умудрилась забеременеть, в первый и единственный раз занявшись сексом без презерватива. Это случилось еще и в тот день цикла, который она считала совершенно безопасным.

Чудеса, да и только.

Интересно, захочет ли Макс увидеть ребенка, зачатого им? Вряд ли. Он слишком легко согласился уйти, так что вряд ли обрадуется, если она возникнет на его пороге с младенцем на руках.

Поверит ли он вообще, что это его ребенок? Она не будет делать тест на отцовство – для этого нужно взять на анализ жидкость из околоплодного пузыря, а это может спровоцировать выкидыш.

Она на это не пойдет.

Если он усомнится в своем отцовстве, он сможет развеять сомнения и после родов.

Бабушка и дед, конечно, полюбят ребенка, когда он родится. Но сейчас известие о ее беременности их явно не порадует. Для них и секс, и беременность были возможны лишь после свадьбы.

Подумав пару секунд, Джиллиан решила: те несколько дней, что они проведут в Сиэтле, она будет скрывать от них свое состояние. Один шанс из пяти, что ее беременность закончится выкидышем еще в первом триместре. Пока не закончится этот важный этап, она не скажет о ней никому.

Значит, она должна изобразить из себя совершенно счастливую и здоровую женщину, и сыграть эту роль так, чтобы она была достойна «Оскара». Иначе старики откажутся от своих планов и не улетят в Канаду в середине следующей недели.

Итак, решено: она скажет им, что доктор диагностировал у нее легкое переутомление и посоветовал сменить витамины. Это было правдой, хоть и не всей правдой. Врач выписала Джиллиан специальные витамины для беременных, идеально подходившие для ее чувствительного желудка, и фолиевую кислоту, которая помогала ребенку развиваться.

Кроме того, ей прописали препараты железа: оказалось, она была на грани анемии. Что ж, это объяснит ее постоянное утомление куда лучше, чем любая сочиненная ею ложь.

Хотя на самом деле больше всего ее выматывало отсутствие Макса.

Бабушка и дедушка не заподозрят неладное из-за того, что она плохо себя чувствует. Они считают, что их разрыв с Максом так ударил по ее здоровью, о чем не забывают ей напоминать. Джиллиан столь же неустанно напоминала им о том, что к ее возрасту каждая женщина обязана пережить хотя бы один болезненный разрыв с мужчиной. Некоторые в двадцать шесть уже успевают сходить замуж и развестись. Бабушка в ответ фыркала и раздраженно говорила: «Этому юноше придется за многое ответить».

Хорошо, что к акушеру-гинекологу Джиллиан предстояло идти лишь в следующую пятницу. Она не хотела лишний раз без особой необходимости отделяться от стариков полуправдой.

* * *

Рывкнув что-то в телефонную трубку, Макс раздраженно вдавил кнопку «отбой», не утруждая себя прощанием.

– Идиоты, – пробормотал он.

– Похоже, за последние пару месяцев все наши бизнес-партнеры неожиданно резко поглупели, – произнес Демьян, стоя в дверях.

Макс глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух. Лишь это помогло ему удержаться, не накричав заодно и на кузена.

– Что ты хотел, Демьян?

– Я кое-что узнал. Думаю, тебе будет интересно.

– Нам не нужен новый рынок сбыта для редких минералов. Мы и с нынешними-то с трудом справляемся. Особенно с учетом экологии.

На Воларусе действовали строжайшие требования по охране природы, касавшиеся всех компаний, работающих в сфере производства электроэнергии и добычи минералов. Дед и отец Макса далеко обогнали свое время в вопросах сохранения земли для будущих поколений. Экологическое законодательство Воларуса было, пожалуй, одним из самых строгих в мире.

Кроме того, компания «Юркович-Таннер» далеко обогнала десятку ведущих мировых нефтяных гигантов в исследовании и разработке альтернативных источников энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.